

неть рассказывать про такую жестокость, она, пожалуй, его подобыть... Признаюсь, прехитрый планъ! Прехитрѣйшій! Однако не на того напали. Хорошо, что я во-время догадался. Не пойду же! Пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!

Владимиръ:— Вы медлите?

Павель Григор. (холодно):— Да. Я медлю...

Владимиръ:— Вы... эта перемена... вы...

Павель Григор. (гордо):— Я остаюсь. Скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сеть... Скажи, что благодарю за приглашеніе и желаю ей веселой дороги. (Владимиръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ).

Владимиръ:— Какъ! (Съ отчаяньемъ). Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью! съ такой адской улыбкой!.. И я вашъ сынъ?.. Такъ, я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности!.. О!.. Если бъ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ.

Павель Григор.— Замолчи, сумасшедшій! Страхись моего гнѣва!.. Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителя!.. Я тебя примѣрно накажу...

Владимиръ (закрывъ лицо руками):— А я мечталъ найти жалость!..

Павель Григор.— Неблагодарный, неблагодарный! Чудовище! Мнѣ ли ты не обязанъ?.. И съ такими упреками!

Владимиръ:— Неблагодарный!.. Вы мнѣ дали жизнь, возьмите, возьмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!

Павель Григор.— Вонъ скорѣй изъ моего дома и не смѣй воротиться, пока не умретъ моя бѣдная супруга! (Со смѣхомъ). Посмотримъ, скоро ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлала столько шума и заставила тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, что ты говорилъ, и тогда... тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! (Злобно взглянувъ на сына, уходитъ и запираетъ двери за собою).

Владимиръ (который стоялъ какъ вкопанный, смотреть вслѣдъ. Послѣ краткаго молчанія):— Все кончилось! (Уходитъ въ другую дверь. Рѣшительная безнадѣжность примѣтна во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ оставляетъ за собою дверь развороченною, и долго видно, какъ онъ то войдетъ

скороми шагами, то остановится: наконецъ, махнувъ рукой, онъ улаляется).

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

Дѣйствіе III. Явленіе II [по перв. списку].

3-го февраля день.

Спальня Марьи Дмитріевны. Столъ съ лекарствами. Она лежитъ на постели; Аннушка стоитъ возле нея.

Аннушка:— У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго, или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Ахъ ты, моя родная! Какія руки-то холодныя! Точно ледяныя! Не прикажете ли, матушка, послать за лекаремъ?

Марья Дмитріевна:— Послушай, что давить мнѣ грудь?

Аннушка:— Ничего, сударыня; одѣяло прелегкое. Отчего бы, кажется, давить?

Марья Дмитріевна:— Аннушка, я сегодня умру!

Аннушка:— И, Марья Дмитріевна! Выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

Марья Дмитріевна:— Зачѣмъ?..

Аннушка:— Не все больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Не пора ли лекарство принять?

Марья Дмитріевна:— Я не хочу лекарства... Гдѣ мой сынъ? Да, я и позабыла, что сама его послала. Посмотри въ окно: неидетъ ли онъ? Поди къ окну... что? неидетъ?.. Какъ долго!

Аннушка:— На улицѣ пусто.

Марья Дмитріевна (про себя):— Онъ уговорить отца—я увѣрена! О, какъ сладко примириться передъ концомъ. Теперь я не стыжусь встрѣтить его взоръ. (Погроме). Аннушка! что ты такъ смотришь въ окно?

Аннушка:— Я?.. Нѣтъ... это такъ...

Марья Дмитріевна:— Нѣтъ, вѣрно... говори всю правду, что такое?

Аннушка:— Похороны, сударыня, да какія препышныя, сколько каретъ сзади: вѣрно богачъ! Какія лошади! Покровъ такъ и горитъ!.. Два архирея... пѣвчіе!.. Ну ужъ, нечего сказать...

Марья Дмитріевна:— Аннушка, и мнѣ пора... я чувствую близость послѣдней минуты. О, поскорѣе, поскорѣе, Царь небесный!

Аннушка:— Полноте, сударыня, что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? Кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?.. Не бывать этому. Да я лучше по міру пойду: добрые люди изъ окошекъ накромятъ.

Марья Дмитріевна:— Мой сынъ, Владимиръ, тебя не оставитъ.

Аннушка:— Да еще перенесетъ ли онъ